

УДК 101.1

DOI 10.23683/2227-8656.2019.4.17

**НАЦИОНАЛИЗМ
В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ
ФИЛОСОФИИ: АНАЛИЗ
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
КОНЦЕПЦИЙ**

**NATIONALISM IN
THE DISCOURSE OF MODERN
PHILOSOPHY: ANALYSIS
OF THEORETICAL
CONCEPTS**

Янченкова Ольга Анатольевна

Преподаватель,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия,
e-mail: olga-yanchenkova@yandex.ru

Olga A. Yanchenkova

Lecturer,
Platov South-Russian
State Polytechnic
University (NPI),
Novocherkassk, Russia,
e-mail: dulin_an@mail.ru

В статье представлен философский анализ национализма как социально-исторического явления и теоретической концепции. Отмечается, что в настоящее время существуют две довольно влиятельные интеллектуальные традиции интерпретации национализма (*конструктивизм и примордиализм*), которые необходимо применять синтетическим образом, поскольку сам рассматриваемый феномен довольно сложен и имеет ряд аспектов своего проявления, связанных, в свою очередь, как с этнической культурой и самосознанием отдельного народа, так и с конкретным политическим проектом построения и дальнейшего развития суверенного государства.

Ключевые слова: национализм; конструктивизм; примордиализм; философия.

The article presents a philosophical analysis of nationalism as a socio-historical phenomenon and theoretical concept. It is noted that at present there are two quite influential intellectual traditions of interpretations of nationalism (*constructivism and primordialism*) that need to be applied in a synthetic way, since the phenomenon under consideration is quite complex and has a number of aspects of its manifestation, which in its turn are related to both ethnic culture and self-consciousness of an individual nation, and a specific political project for the construction and further development of a sovereign state.

Keywords: nationalism; constructivism; primordialism; philosophy.

Введение

В целом под национализмом (фр. *nationalisme*) следует понимать политическую идеологию, в основе которой лежит тезис о приоритете нации, постулируемой в качестве высшей формы социального единства. Сам термин «национализм» тесно связан с понятием *нации* (от лат. *natio* – «племя, народ»), совокупностью граждан суверенного государства, наделённых правами, которое, однако, содержит в себе не только собственно гражданские, но и этнические (и даже биологические) коннотации, поскольку латинское слово «нация» имеет общий корень со словом «пренатальный» (предродовой). Это, в свою очередь, открывает простор для интерпретации нации в духе не только гражданского конструктивизма, представленного в работах Э. Хобсбаума (1998), Б. Андерсона (2016), Э. Геллнера (1991), В.А. Тишкова (2013) и др., но и этнокультурного примордиализма, изложенного в концепциях К. Гирца (1973), Э. Смита (2002), Ю.В. Бромлея (2009), В.Д. Соловья (2005) и ряда других авторов. В рамках конструктивистского подхода национализм вполне может быть интерпретирован в духе создания современных гражданских наций; второй подход, а именно примордиализм, даёт основания понимать нацию сквозь призму определяющих её этнических корней и этнокультурных особенностей (Волков, 2017; Дьяченко, 2004).

Принадлежность к той или иной нации определяется в первую очередь гражданством, а не этнической принадлежностью, однако при этом некоторые страны активно предоставляют своё гражданство на основании принадлежности к строго обозначенному этносу всем желающим в упрощенном порядке. Поэтому не нужно удивляться тому, что этнос пребывает в наиболее сильном взаимодействии с нацией, и во многом именно он может влиять на ход её дальнейшего развития. В данной связи В.А. Тишков справедливо обращает внимание на особенности употребления таких понятий, как «нация», «народ», «национальность», в российском контексте, в частности, он пишет, что понятие «народ» может быть синонимом термина «национальность». «Но это только в России, – отмечает В.А. Тишков, – и в некоторых других странах (например, в Китае) под национальностью понимаются этническая группа или так называемые национальные меньшинства. В остальном мире слово “национальность” (nationality) означает гражданство той или иной страны. Россияне уже научились при поездках за рубеж отвечать в визовых анкетах на вопрос о национальности словом “Россия”, но внутри страны национальность по-прежнему означает эт-

ническую принадлежность» (Тишков, 2013. С. 41). Более того, многие люди вполне осознанно продолжают отождествлять такие понятия, как «этнос» и «нация», говоря о своей национальности как об отдельной нации.

Рассматривая национализм в первую очередь как социально-политический феномен, необходимо учитывать как исторический контекст его становления, так и систему расслоения тех обществ, где он впервые стал проявляться. Поэтому верным будет согласиться с утверждением крупнейшего британского исследователя Э. Хобсбаума о том, что все дискурсы о нации, национальной идентичности и собственно самом национализме (включая всю известную нам терминологию) возникли именно в Новое время (Хобсбаум, 1998) и несут на себе печать модерна и модернизации, которая заключалась в переходе от сословной социальной стратификации (в первую очередь европейских и колониальных североамериканских обществ переселенческого типа) к стратификации классовой. Более того, национализм (прежде всего, в своей гражданской форме) в значительной степени возник из духа буржуазной революционности XVIII в. Другое дело, что сами правила вхождения либо исключения из той или иной нации могли оставаться дискуссионными на протяжении многих столетий и сопровождаться длительной борьбой за права этнических, расовых и религиозных меньшинств.

Конструктивистский подход к исследованию национализма

Согласно верным замечаниям Э. Геллнера, *нации* в современном смысле становятся полноценными субъектами глобального политического процесса только в период развития массового производства (индустрии) и формирования полноценного классового общества. Нация, таким образом, выражаясь в марксистских терминах, призвана на новом этапе развития сил производства фундировать общество на уровне его культурной надстройки, тогда как на уровне общественно-экономического базиса в таком (индустриальном) обществе всегда будет наблюдаться перманентный конфликт. Таким образом, рождение нации призвано объединить, солидаризировать население стран, переходящих от феодализма к капиталистической формации, что, однако, порождает новые проблемы, связанные часто с проявлением радикального национализма. «В условиях определенной социально-экономической организации, – отмечает Э. Геллнер, – которую лучше всего описать как “индустриализм”, возникают и становятся политически значимыми классы (расплывчатые, не имеющие четких границ

страты рыночного общества) и нации (анонимные категории людей, выделяемые и сознающие себя по признаку культурного подобия). Когда они действуют в унисон, происходит изменение политических границ. Экономическое напряжение, выраженное и усиленное культурными различиями, обретает политический потенциал и заставляет перекраивать карту. Но по отдельности ни экономическое напряжение, ни культурные различия не способны породить сколько-нибудь существенных перемен» (Геллнер, 2002). Таким образом, экономическое напряжение должно также стимулироваться культурными различиями, которые могут привести к расколу идентичности и национальному распаду. Именно в последнем случае национализм способен активно продуцировать режимы сепаратизма, выступая идеологическим стимулом отделения определенной территории (Чешко, 2001), например на основе политизации языковых или конфессиональных отличий с остальной частью страны.

Ведущий представитель культурологического подхода Б. Андерсон, теоретические положения которого находятся в рамках конструктивистской парадигмы, даёт «следующее определение нации: это вообразённое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» (Андерсон, 2016. С. 47). В целом британский мыслитель разделяет общее для конструктивистов мнение о том, что идея нации, начиная с эпохи модерна, выполняет ту же структурирующую функцию, которую в течение Средних веков играла идея вселенского христианства. Если в период феодализма массы объединялись по сословному и конфессиональному принципу, то с развитием капитализма на первый план выходит классовая идентичность, которая, однако, препятствует надклассовым объединениям на основе прежних критериев. Таким образом, национализм (в широком смысле) выступает новым фактором организации общественного бытия, сменившим или в значительной степени потеснившим фактор конфессиональной идентичности (подданных страны) и способ организации и легитимизации власти, происходящей из династического принципа.

Вместе с появлением концепта нации наиболее активные члены данного сообщества начинают представлять себе особенные национальные интересы. Определение нации, предложенное Б. Андерсоном, довольно точно отражает способность человека конструировать новые социально-политические идентичности. Причём именно продуктивное воображение позволяет людям представить неограниченно большие популяционные сообщества и отождествить себя с его полноценными

представителями. Очевидно, что общественное сознание и воображение, начиная с эпохи модерна, подверглись серьёзным трансформациям, причём ведущая роль в этом процессе принадлежит массовому распространению политических карт. Таким образом, нация стала пониматься как проект, ориентированный на коллективное развитие, которое будет более эффективным, чем успешнее в нём сможет реализовываться модернизационная модель.

Итак, нация, в согласии с определением Б. Андерсона, «воображается *суверенной*, ибо данное понятие родилось в эпоху, когда Просвещение и революция разрушили легитимность установленного Богом иерархического династического государства» (Андерсон, 2016. С. 49). При этом нация мыслится (воображается) как сообщество эгалитарного типа вне зависимости от конкретного неравенства и эксплуатации, оно (по крайней мере, в воображении) предстает как горизонтальное товарищество, правда, отграниченное от других наций, причём способное вступать с ними в явное противоречие и даже открытый конфликт. Поэтому в контексте национального строительства могут возникать этнические конфликты, которые ранее нейтрализовались наличием общего подданства под властью суверена. Однако теперь носителем суверенитета выступает не конкретный монарх, а народ в целом, т. е. именно нация.

В целом именно представители конструктивизма акцентируют внимание на том, что так называемые национальные традиции (включая например, такие её разновидности, как национальная одежда, музыка, танцы, спортивные состязания и т.д.) были преимущественно изобретены представителями восходящего класса буржуазии лишь в Новое время (Hobsbawm, 2002) в рамках проекта модернизации с целью преодоления и сглаживания различий между культурой господствующих сословий (аристократов) и простолюдинов. Несомненно, что буржуазия как представители, прежде всего, третьего сословия, которые сами ещё недавно могли числиться простолюдинами, была заинтересована в новом издании народной культуры и существенной романтизации прежних традиций и обычаев. В данной связи интересно, что буржуазно-националистическая культура XIX в. была во многих функциональных аспектах предшественницей массовой культуры XX в.

Примордиализм и проблемы национализма

Однако, как справедливо считают представители символического (мягкой версии) примордиализма, а именно такой его разновидности, как перенниализм, в частности, представленный в работах Э. Смита,

при частичной правоте конструктивистов нельзя утверждать, что национальные традиции создавались исключительно представителями буржуазии, причём с нуля. «Определенно к формированию нации имеет отношение нечто большее, чем националистические подделки, и “изобретение” здесь должно пониматься в другом своем смысле – как новаторская рекомбинация существующих элементов» (Смит, 2002. С. 256). Более того, в рекомбинации уже существующих этнокультурных элементов, превратившихся в духовные скрепы будущих новоевропейских наций, нельзя отрицать вклад аристократии и ведущих королевских домов Европы, которые также особенно в XIX в. в значительной степени «национализировались». Несомненно, что аристократы этого исторического периода стали активно вспоминать о своих корнях и этническом происхождении, включаясь в работу партий националистического и вместе с тем эгалитарного толка, т. е. наряду с буржуазией в той или иной степени усвоили националистическую повестку.

Таким образом, в логике примордиализма можно предположить существование неких архетипических структур народной памяти, а также обычаев и традиций, которые уже последующие нации пытаются активно возрождать на протяжении длительных исторических периодов. В XIX и первой половине XX в. существенным компонентом национализма выступал расизм, который достиг форм крайнего выражения в германском национал-социализме. В отличие от современных форм языкового национализма расовый национализм требовал от своих признанных представителей обладания соответствующим антропологическим типом. «Действительный недостаток модернистской картины национализма, принимаемой столь многими историками и иными учеными, – отмечает Э. Смит, – это ее определенная историческая поверхностность. Увязав нацию и национализм исключительно с переходом к современной эпохе и трактуя их как плоды “современности”, они усложнили задачу объяснения того, почему эти нации возвращаются к прошлому и ощущают свою преемственность с этническим прошлым» (Смит, 2002. С. 258). Интересно, что в рамках примордиализма настоящее и будущее любой нации в той или иной степени связываются с исторической судьбой отдельного (государствообразующего) этноса, что существенно усложняет возможность её интерпретации как исключительно гражданского феномена.

Несомненно, что этничность выступает одним из первичных факторов коллективной идентификации (Брубейкер, 2012), более того, она зачастую выступает важным компонентом создания будущей на-

ции, но при этом, конечно же, не является избыточным критерием нациестроительства. «Национализм, таким образом, – справедливо отмечает К. Калхун, – опирается на ранее существовавшие идентичности и традиции, а национальные идентичности отражают такие традиции. Но национализм серьезно преобразует существовавшие ранее этнические идентичности и придает новое значение культурному наследию. Этнические корни и культурная самобытность – это только часть аспектов (и даже не всегда обязательных) создания современных наций» (Калхун, 2006. С. 109). Например, почти все – как североамериканские, так и южноамериканские – нации, как правило, имеют сложную полиэтническую структуру и довольно подвижную этническую конфигурацию, которая в течение нескольких столетий могла довольно существенно трансформироваться и сопровождаться конфликтами, что было зафиксировано в культуре данных стран.

Заключение

В целом *национализм* понимается как явление вполне амбивалентное, т. е. как набор идейных представлений (или иногда даже предрассудков) и социальных практик, интерпретируемых в широком диапазоне – от умеренного патриотизма до проявлений ксенофобии и даже эксцессов нацизма и экстремизма. Так, например, Ж.Т. Тощенко акцентировал внимание на том, что «ультра- и радикал-национализм стремится к мимикрии, перевоплощениям, а свои эгоистические действия, антинациональные стремления пытается прикрывать псевдопатриотическими лозунгами, национальными интересами, ценностями... умеренный национализм апеллирует к патриотическим чувствам, к исторической памяти, к национальной самобытности, а вместе с левым национализмом пытается найти ответы на пути евразийского или социалистического развития» (Тощенко, 2003. С. 73). Таким образом, если рассматривать национализм в качестве политической идеологии, оказывается, что он не самодостаточен, т. е. вынужден в своих целях использовать элементы либеральной либо социалистической риторики. Вместе с тем этноориентированный национализм тяготеет к тому, чтобы либо представлять интересы этнического большинства, либо, напротив, позиционировать себя в качестве выразителя интересов этнических меньшинств.

Однако необходимо учитывать, что негативные черты этнического национализма могут не способствовать консолидации наций вокруг элементов исторической памяти и общего культурного наследия, а, напротив, выступать триггером их исторического распада. В принци-

пе, наблюдаемое в мире усиление тенденций к сепаратизму в большинстве случаев напрямую связано с описываемым нами феноменом, т. е. возникновением и ускоренным развитием региональных национализмов, многие из которых в действительности являются реакцией локальных сообществ на процессы глобализации.

С другой стороны, оказывается, что могут существовать довольно приемлемые и даже исторически необходимые формы национализма, связанные с его патриотическим содержанием, которые, например, могут выступать ресурсом мобилизации населения в период острых международных конфликтов и масштабных войн. Вместе с тем наиболее активные проявления патриотизма сами могут быть интерпретированы в националистическом ключе, поскольку грань между данными понятиями бывает довольно сложно прочертить.

Таким образом, в настоящее время существует несколько довольно влиятельных интеллектуальных традиций интерпретации национализма – это прежде всего *примордиализм* и *конструктивизм*, которые необходимо применять синтетическим образом, поскольку рассматриваемый феномен довольно сложен и имеет ряд аспектов своего проявления, связанных, в свою очередь, как с этнической культурой и самосознанием отдельного народа, так и с конкретным политическим проектом построения и дальнейшего развития суверенного государства. Проведенный нами анализ национализма показал, что данный феномен возникает из идеи создания и развития современной нации и тесно связан с подходами осмысления и интерпретации данного социально-политического концепта, но при этом его также невозможно отделить от этнических аспектов, в той или иной форме принимающих участие в процессе нациестроительства. Именно поэтому обе интеллектуальные традиции изучения национализма являются приемлемыми для нашего исследования, а следовательно, требуют своего синтеза в русле заявленной нами теоретической программы.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: URSS, 2009. 436 с.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

Волков Ю.Г., Лубский А.В., Воден-

References

Anderson, B. (2016). Imaginary communities: reflections on the origins and spread of nationalism. M.: Kuchkovo pole.

Bromley, Yu.V. (2009). Essays on the theory of ethnos. M.: URSS.

Brubeyker, R. (2012). Ethnicity without groups. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.

Volkov, Yu.G., Lubskiy, A.V., Voden-

ко К.В. Роль зарубежного опыта в формировании модели национальной интеграции в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. № 3. С. 13–29.

Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. 416 с.

Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический проект; Мир, 2011. 639 с.

Дьяченко А.Н. Русский национализм как идеология и социально-политическая практика: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д.: РГУ, 2004. 167 с.

Калхун К. Национализм. М.: Территория будущего, 2006.

Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. 416 с.

Соловей В.Д. Не Запад. Не Восток. Не Евразия. // Свободная мысль – XXI. 2005. № 11. С. 108–128.

Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 650 с.

Тоценко Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки. М.: РОССПЭН, 2003.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.

Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 3–17.

Geertz C.J. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York: Basic book, 1973. 470 p.

Hobsbawm E., Ranger T.O. The Invention of Tradition. Cambridge: University Press, 2000. 320 p.

ko, K.V. (2017). The role of foreign experience in the formation of the model of national integration in modern Russian society. *Gumanitariy Yuga Rossii*, 3, 13-29. (in Russian).

Gellner, E. (1991). Nations and nationalism. M.: Progress.

Gellner, E. (2002). The coming of nationalism. Myths of nation and class. *Natsii i natsionalizm*. M.: Praksis.

Dugin, A.G. (2011). Ethnosociology. M.: Akademicheskii proekt; Mir.

D'yachenko, A.N. (2004). Russian nationalism as an ideology and socio-political practice: socio-philosophical analysis (Candidate Dissertation, Rostov State University, Rostov-on-Don).

Kalkhun, K. (2006). Nationalism. M.: Territoriya budushchego.

Smit, E. (2002). Nationalism and historians. *Natsii i natsionalizm*. M.: Praksis.

Solovey, V.D. (2005). Not West. Not East. Not Eurasia. *Svobodnaya mysl' – XXI*, 11, 108-128. (in Russian).

Tishkov, V.A. (2013). Russian people. The history and meaning of national identity. M.: Nauka.

Toshchenko, Zh.T. (2003). Ethnocracy: History and Modernity. Sociological essays. M.: ROSSPEN.

Khobsbaum, E. (1998). Nations and nationalism after 1780. SPb.: Aleteyya.

Cheshko, S.V. (2001). The crisis of the doctrine of self-determinationю *Etnograficheskoe obozrenie*, 2, 3-17. (in Russian).

Geertz, C.J. (1973). The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York: Basic book.

Hobsbawm, E., Ranger, T.O. (2000). The Invention of Tradition. Cambridge: University Press.

Поступила в редакцию

27 мая 2019 г.